

Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2012 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 7: материалы VII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаб. ист. краеведения, Барнаул, 25–26 нояб. 2010 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина, Н. С. Грибановой. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 12–20.

DOI 10.37386/2687-0584-2020-15-263-271

УДК 39+930.2+930(091)

Т. К. Щеглова

Тридцать лет в поле: проблемы и перспективы развития региональной этнографии и региональной устной истории в Алтайском крае¹

Аннотация. В статье на примере формирования научной школы по этнографии в Алтайском педагогическом вузе рассматриваются условия, особенности, результаты, проблемы и перспективы развития науки в университетах. Делается вывод, что в большинстве регионов Сибири при отсутствии академических структур именно университеты являются научными центрами, анализируются преимущества и недостатки вузовской науки, а также тенденции ее развития в последние десятилетия. **Ключевые слова:** региональная этнография, устная история, университетская наука, полевые исследования, формы, методы, участники.

Региональные исследования – важнейшая составная часть отечественной этнографии, что связано с территориальными масштабами страны и многообразием этнокультурных ситуаций. До 1950–1970-х гг. этнографическое изучение регионов Сибири велось преимущественно академическими экспедициями из Москвы и Санкт-Петербурга. Создание отделений РАН на ее территории несколько изменило ситуацию, но лишь в последней четверти XX в. в регионах началось формирование собственных научных сил – в одних раньше, в других позже. На современном этапе становится важно соотносить результаты исследований академических центров и регионов. Площадками для обсуждения исследовательских результатов на базе педагогического университета стали две периодические конференции историков АлтГПУ: с 1994 г. – «Этнография Алтая и сопредельных территорий», с 2004 г. – «Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае». Первая конференция прошла в 2020 г. в десятый раз, вторая – в пятнадцатый раз.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

Особенностью развития региональных наук – и истории, и этнографии – является их сосредоточение в вузах, которые имеют специфику хотя и высших, но все же учебных заведений, а это диктует необходимость непрерывно взаимодействовать с академическими научными центрами. В Алтайском крае есть только один научно-исследовательский институт Сибирского отделения Российской академии наук – Институт водных и экологических проблем. Особенностью региональных исследований является то, что исследователи более приближены к источникам, а академические центры являются «локомотивами» в разработке теоретико-методологических подходов и аккумуляции международного опыта. Первым не хватает аналитики, вторым – источников.

В Алтайском крае этнографическими исследованиями стали заниматься относительно поздно. Вплоть до 1970-х гг. основной вклад вносили академические экспедиции. Достаточно назвать деятельность Виктории Анатольевны Липинской по этнографии русских или Нины Ильиничны Каплан (экспедиции НИИХП). В 1970–1980-е гг. проводились экспедиции этнографами Сибирского отделения Российской академии наук Ф. Ф. Болоневым, Л. М. Русаковой, Е. Ф. Фурсовой.

В пединституте учителями в полевых исследованиях были А. П. Уманский и А. Д. Сергеев. Первый основал в 1950-е г. традицию полевых археологических исследований, которые не прерываются уже более 70 лет. Второй заложил в 1970-е гг. традиции полевых историко-краеведческих исследований. На этих традициях в 1990 г. при кафедре отечественной истории зародилась лаборатория исторического краеведения. В ее составе наряду с другими направлениями работы (археология) оформился сектор устной истории и этнографии, который в 2020 г. стал самостоятельной лабораторией «Центр устной истории и этнографии».

Большое значение для становления региональной этнографии имело проведение сначала на базе рабфака (1991), а затем на базе истфака (с 1992 г.) историко-этнографических экспедиций. Вначале они проводились инициативно в составе группы заинтересовавшихся студентов на деньги, зарабатываемые при помощи договоров в различных учреждениях и организациях (такими как алтайские отделения ВООПИиК и Фонда культуры, НПЦ «Наследие») и лишь к концу 1990-х гг. перешла в разряд учебных практик как альтернатива археологической учебной практике, которая проводилась у студентов-историков с 1960-х гг. Статус историко-этнографической практики закрепило увеличение набора студентов на исторический факультет и введение специализации по государственному образовательному стандарту «учитель истории» – «историческое краеведение».

Необходимо обратить внимание на сохранение учебной полевой практики в вузах как точки роста исследовательских компетенций студентов-историков как будущих учителей истории и важного условия для развития региональных научных школ. Конечно, в научном плане историко-этнографическая практика выполняет прежде всего задачу формирования источниковой базы. Но именно это дает возможность продолжить диалог руководителя практики и практиканта, который приносит результат в виде докладов, публикаций, конференций. АлтГПУ до сих пор продолжает каждое лето выездную учебную практику (в поле вывозится до 100 студентов-первокурсников) и организует грантовые научно-исследовательские экспедиции. В совокупности то и другое является базой для развития науки в университете. Остается только сожалеть, что в большинстве вузов в последнее время историков лишают этого и учебная практика проводится формально, без выезда «в поле».

За тридцать лет «в поле» у историков АлтГПУ сложились свой «авторский почерк» полевых исследований и свои традиции, которые отличают этнографическую школу университета. Во-первых, это понимание и определение предмета исследования, представления о котором сформировались в течение первых десятилетий. Им стала «информационная среда» сельских поселений, которая рассматривается как *память* сельского общества, хранящаяся в разных ее видах – материализованная память (бытовая этнография); нематериализованная – историческая и коллективная, индивидуальная и семейная память членов сельского общества (устная история, культурная и социальная антропология). Поэтому важным стало формирование методики по извлечению информации из разных видов памяти. Во-вторых, это технологии работы с памятью и ее документированием.

Влияние на формирование технологий полевой работы этнографов АлтГПУ оказали постперестроечные 1990-е годы. Время перемен поставило новые задачи перед теми, кто занимается антропологическим содержанием исторических событий XX столетия. Эти годы стали временем смены эпох, а антрополог/этнолог всегда должен находиться «на линии огня». Рождались новые подходы в исторических исследованиях, в том числе устная история, которая работает с памятью и с «человеческим содержанием» исторических процессов. Устные историки, так же как и этнографы, совершают «хождение в народ» для получения информации. Их называли «историками с микрофоном (диктофоном)». Все первые российские устные историки (В. А. Бердинских, Д. Н. Хубова и др.) начинали с расспросов участников и очевидцев «белых пятен» истории, т. е. ранее «табуированных» тем, когда в темати-

ческое поле исследований на смену «учебным» темам, базирующимся на «истории сверху», пришла «история снизу». Ее принципами являются «человек в истории», «история в человеке», «история изнутри» в интерпретации и оценках ее участников.

Под влияние процессов антропологизации исторических исследований попали и историки АлтГПУ, у которых уже имелся опыт работы с носителями информации – «бывальми людьми» в сергеевских историко-краеведческих экспедициях 1970-х гг. С 1991 г. они присоединились к попыткам создания сначала всесоюзного, а затем всероссийского общества устной истории. Это было на конференциях 1991 г. в Кирове (председатель оргкомитета В. А. Бердинских) и в 1992 г. в Калининграде (председатель оргкомитета Ю. С. Кондрашов). Завершая этот сюжет, следует отметить, что устная история до наших дней так и не институализировалась. Последняя попытка объединить всех была предпринята в 2006 г. в Барнауле. На конференцию приехали делегаты из большинства центров устной истории России, но дальше этого дело не пошло, хотя предпосылки и причины необходимости консолидироваться существуют до сих пор.

Вместе с тем именно освоение технологий устной истории значительно расширило возможности этнологических исследований. На основе сочетания технологий устной истории и методов полевой этнографии в 1990-е гг. сформировался комплексный подход, который изменил отношение к опросу, извлечению, оформлению и хранению информации. Эта комплексная методика была апробирована в экспедициях в 1990-е гг. и а вынесена на обсуждение в 2001 г. (г. Нальчик), когда в рамках Конгресса антропологов и этнологов России (КАЭР) была проведена секция «Устная история как источник и метод этнографических исследований». На последующих конгрессах, вплоть до 2019 г. она превратилась в единственную действующую площадку по устной истории в России. Введена практика издания материалов участников секции КАЭР XII (2017 г.) в Ижевске [1], КАЭР XIII (2019) в Казани [2]. В 2021 г. на Конгрессе XIV заявлена совместно с С. Н. Корусенко секция «Память в этнографии и устной истории».

Функционирование Конгресса с 1993 г. – не только беспрецедентное явление в истории отечественной исторической науки (ни одно другое научное сообщество так не консолидировано, как этнологи, благодаря деятельности лидера отечественной этнографии – академика В. А. Тишкова), но и важнейшая форма диалога региональных вузовских научных центров и академических институтов РАН; этнографов и других социо-гуманитарных специалистов. Поэтому участие в нем является важным для развития региональной этнографии Алтайского края.

Что дает этнографии и социально-культурной антропологии устная история? Прежде всего развитие источниковой базы и появления новых направлений исследований.

Этнографию и устную историю объединяет метод полевой работы – *опрос*. Отличием является отношение к процессу опроса и последующей работы с информацией. В устной истории вся совокупность деятельности преследует цель создания источников и формирование устных архивов. Как писал американский историк Ф. Брукс, «обычный историк интервьюирует живущих людей для достижения своих исследовательских задач, „устный историк“ собирает материал для будущего». В этнографии сложилась произвольная письменная фиксация рассказов старожилых вручную (условно говоря, «на коленке», «что услышал», «как понял», «что успел записать»). Претензии также предъявляются к хранению полученной информации и распоряжению ею. В этнографии источники называют ПМА и они часто теряются с уходом их авторов. Существенным недостатком в опросе этнографа является выборочная фиксация информации, которая определяется тематическими интересами исследователя, когда упускается другая антропологическая информация, которая может быть уникальной.

Именно поэтому неизменным требованием устной истории является техническая поддержка записи материалов опросов. Создаваемые методами устной истории комплексные источники способствуют, с одной стороны, обновлению и углублению тематического поля этнологии, с другой – обогащению истории, так как историописание «сверху вниз» ведет к схематизации и унификации исторического прошлого на основе каких-либо «скреп» – идеологии, национальной идеи, политики. Антропологизация исторических исследований с отходом от изучения глобальных процессов к исследованию «человеческого содержания истории», обеспечивает понимание многообразия исторической жизни. Историки должны учитывать этнокультурные факторы исторических процессов, влияние на них менталитета, идентичности, национального характера и психологии. А этнографы должны рассматривать развитие народов и культур в контексте исторических событий, процессов и явлений. В целом, завершая этот сюжет, скажем, что антропологический взгляд на исторические проблемы выводит на совершенно новые горизонты в их изучении.

Кроме того, в 1990-е гг. стало понятно, что традиционная этнография теряет почву под ногами с уходом носителей традиционной культуры и исчезновением предметов быта. Фонды музеев уже достаточно укомплектованы этнографическим материалам, а перечень привозимых из сел экспонатов стал однородным и пополняет вспомогатель-

ные фонды. Помнится, как в 1990-е гг. в историко-этнографических экспедициях был установлен приз – банка сгущенки за найденную мялку-станок, которой не было в фондах историко-краеведческого музея АлтГПУ. Теперь и она есть. Крестьянская этнография являлась важнейшим этапом, но она фактически исчерпала себя. Сейчас внимание исследований смещается в сторону изучения форм нематериальной памяти. В соответствии с выработанными технологиями полевой работы формировались научно-исследовательские программы Центра. Одни носят комплексный характер, другие тематический. Среди них «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» (1991); «Организация краеведческой работы в школе» (1991); «Депортации народов и репрессии на территории Алтайского края» (1992); «Этнография Алтая» (1993); «Народы Алтая: история и культура» (с 1996 г.); «Этническая мозаика г. Барнаула» (с 2003 г.); «Мордва Алтая» (с 1996 г.); «Казахи Алтая» (с 2002 г.); «Татары Алтая» (с 2002 г.); «Казачество Алтая» (с 1995 г.); «Старообрядчество Алтая» (с 1991 г.) и др.

Основной формой исследований являются историко-этнографические экспедиции. Они делятся на два вида: большие комплексные, которые проводятся летом, и круглогодичные тематические. Их работа базируется на сочетании методов устной истории и этнографии, благодаря чему создаются комплексные источники, в которых и историки, и этнографы найдут для себя информацию в материалах интервью. Летние историко-этнографические экспедиции ориентированы на охват всей территории административно-территориального района, его населения и находящихся на его территории поселений. Тематические экспедиции проводятся круглогодично небольшими группами исследователей по конкретным проблемам или научным программам, часто с целью углубленного изучения выявленной в ходе большой экспедиции научной проблемы, для изучения коллекций сельских музеев и т. п. В 2000-е гг. активными были тематические выезды аспирантов и магистрантов кафедры отечественной истории в соответствии с темами диссертационных исследований. В последние годы стали регулярными тематические экспедиции в рамках реализации научных проектов при поддержке РГНФ/РФФИ. В совокупности на сегодняшний день обследовано более 30 районов из 59 и более 600 сельских населенных пунктов из 1598.

Результатом работы экспедиций стал архив. На сегодняшний день он включает различные виды источников. Самую весомую его часть составляют полевые материалы – записи более 4700 интервью на магнитной пленке и цифровых носителях, около 197 тыс. фотоснимков, 45 часов видеозаписи, полевые дневники, полевые описи, стенограммы интервью, копии карт и карты-схемы населенных пунктов, неопу-

бликованные дневники и воспоминания, описания памятников архитектуры и предметов музейных коллекций и т. д.. В архив включены также материалы проектов, реализовавшихся в 1990-е гг.: по каталогизации памятников крестьянской архитектуры, созданию информационного банка исчезнувших сел и др. Комплекуются фонды текущих научных проектов и проведенных научных мероприятий и т. п. С 2016 г. начата передача материалов, в том числе материалов историко-этнографических экспедиций, в Государственный архив Алтайского края на постоянное хранение (ГААК, ф. 1971) с созданием при Центре фонда дублетных (копийных) материалов.

Несмотря на достигнутые за 30 лет успехи, необходимо отметить особенности и трудности развития региональной науки в вузах, особенно в регионах, где отсутствуют академические институты. Каковы плюсы и минусы региональной вузовской этнографии? Минусы связаны с тем, что вузы – хоть и высшие, но учебные заведения. Преподаватель несет двоякую нагрузку: ставку, заполненную учебными часами, и обязанность проводить научные исследования. Часто преподавательскую и научную деятельность приходится совмещать в ущерб одной из них, не говоря уже об особенностях полевой работы преподавателей вузов.

Трудности работы в экспедициях начинаются с того, что у преподавателя «висят на хвосте» около 30 человек, из них половина первокурсников, которых в рамках учебной практики необходимо обучить, «поставить на крыло» и самому выйти в поле. Не растерять остаток сил помогают только помощники-соратники, руководители выездных групп – магистранты, аспиранты и «бывалые» студенты. Они выезжают в села со студентами из базового лагеря и позже становятся самостоятельными исследователями. Традиция создания своего рода института помощников из студентов магистратуры и аспирантуры сформировались с 1991 г. и является жизненно необходимой, поскольку этнографические экспедиции выполняют две задачи: обучить первокурсников (педагогическая задача), так как экспедиции проводятся в рамках учебной практики кафедры отечественной истории, которая проходила и проходит после первого курса, и собрать памятники материальной культуры, провести интервью с носителями культурной и исторической памяти и документировать полученную информацию (научная задача). Все это превращает экспедиционную жизнь в круглосуточную работу. Такова специфика учебной этнографической практики, в отличие от археологической: каждый участник, от студента до преподавателя, становится полноправным исследователем, а не механической рабочей силой.

Плюсом полевой работы вузовских научных центров являются то, что, общаясь со студенческой средой, преподаватели-исследователи

«пускают корни» и «взрачивают побеги» в лице талантливых студентов и аспирантов. Это позволяет быстро осваивать новые технологии, которые с космической скоростью обновляются. Важнейшим направлением работы в последние годы стали IT-технологии. Достаточно сказать, что на рубеже 1990–2000-х гг. был создан лишь один сайт по этнографии – «Памятники традиционной крестьянской архитектуры», то за последние 5 лет – несколько: «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.»; «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации»; «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края»; «Этнодесант 22: Интерактивная карта народов Алтайского края».

Одним из важнейших способов поддержания вузовской науки являются гранты. Ситуация ухудшилась. Ушел в прошлое РГНФ, а он сыграл важную роль. Определенный толчок к развитию нам дал грант для поддержки молодых исследователей под руководством опытного наставника по изучению культуры жизнеобеспечения в годы войны. Его реализация стала стартовой площадкой для группы сегодняшних молодых сотрудников Центра устной истории и этнографии. Сейчас крайне сложно получить грант РФФИ исследователям из регионов, особенно по социо-гуманитарным наукам. Но и над ним сгустились тучи. А «вытягивать» уровень исследований в регионах, особенно удаленных от академических центров, очень сложно. Нужны научные командировки, участие в конференциях, общение. Молодой исследователь должен «вывариваться» в научной среде.

Нужна и грантовая поддержка таких важнейших площадок диалога этнографов и становления молодых исследователей, как конференции. Их уровень определяет и финансирование. Все последние конференции по этнографии Алтая и сопредельных территорий (2008, 2011, 2015) прошли при поддержке совместных грантов РГНФ и администрации Алтайского края. Этой системы грантов уже нет. Конференцию 2020 г. поддержал РФФИ. Что будет в 2023 г., сказать сложно. А эта конференция нужна, так как она стала одной из немногочисленных регулярно действующих форумов по этнографии на историографическом поле Сибири.

Трудности в развитии региональной этнографии создает педагогический профиль вуза, который предполагает и разработку методик, и написание учебников, и не только для исследователей и студентов, но и для школьников. Примером является проект издания порайон-

ных «Очерков по истории и культуре» населения совместно с районными администрациями и краеведческими сообществами. Эти учебники используются для реализации регионального компонента в сельских школах; этот фактор можно рассматривать и как преимущество вузовских исследователей. Учебные пособия имеют ценность благодаря новационным подходам в полевых исследованиях историков АлтГПУ с комплексной технологией, базирующейся на сочетании методов этнографии и устной истории [3]. Благодаря этим подходам педагогическом университете были сформированы научная среда и научный коллектив. В аспирантуре идет подготовка по специальности 07.00.07. Внесено в перечень ВАК по специальности 07.00.07 вузовское издание «Вестник АлтГПУ».

За 30 лет через работу центров устной истории и этнографии прошло десятки людей – от студентов до состоявшихся исследователей. Их вклад в изучение и сохранение историко-культурного наследия Алтайского края, базирующегося на материализованной и нематериализованной памяти, задокументирован, архивирован и будет служить исследователям долгие годы. Созданные с помощью методов устной истории источники по истории и культуре народов как хорошее вино – чем дольше, тем крепче, так же как сотни публикаций студентов, магистрантов и аспирантов, введивших материалы полевых исследований в научный оборот.

T. K. Shcheglova

Thirty years in the field: problems and prospects for the development of regional ethnography and regional oral history in the Altai Territory

Abstract. The article examines the conditions, features, results, problems and prospects for the development of science in universities using the example of the formation of a scientific school of ethnography at the Altai Pedagogical University. It is concluded that in most regions of Siberia, in the absence of academic structures, it is universities that are research centers, the advantages and disadvantages of university science are analyzed, as well as trends in its development in recent decades. **Keywords:** *regional ethnography, oral history, university science, field research, forms, methods, participants*

Источники и литература

1. Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. ст. / отв. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2017. 238 с. https://old.altspu.ru/history/oi_chair/oi_info/10772-shcheglova-tk.html/.
2. Исторический курьер (институт истории СО РАН). 2020. № 5. URL: <http://istkurier.ru/>.
3. Этнографические исследования истории и культуры народов Алтайского края: учеб. пособие / Т. К. Щеглова, Н. С. Грибанова, Н. В. Люля [и др.]; науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2019.